

Т

ОЛЬКО что закончился Фестиваль детских театров Урала и Сибири в Свердловске.

Странное начало для

статьи о рок-культуре. Ну да ладно... На заключительной конференции представитель ФРГ говорил о том, что театр наш — буржуазен, а для развития детского воображения он должен быть скучным и бедным. И еще пенял нашим театральным художникам на забвение традиций русского авангарда, в частности Казимира Малевича.

Я рванулась защищать «буржуазный» театр. Я говорила, что реальное пространство, пространство жизни у детей ФРГ насыщено вещами и впечатлениями, фактурно, красочно. Наши же дети должны воображать себе, что такое ананас, справедливый учитель, ласковая мама. Я утверждала, что хотя бы в театре ребенок должен получить недостающее — тепло, добро и красивый, играющий мир в декорациях и костюмах. Воображение наших детей в Черновцах и так слишком развито: им снятся вновь выросшие волосы, а с куклами они играют в парикмахера. И еще: мы помним о Казимире Малевиче. Слишком хорошо помним, потому что его самое знаменитое произведение воплотилось и оплательилось нашей реальностью. Черный квадрат. Оптическая иллюзия стоила уже миллионов жизней и все еще выскока в цене. Поэтому лично мне в данный момент жизни дороже Тициан. И вообще все, что полезно детям.

А дальше я хочу немного рассказать о Яне Дягилевой. Уже писала, но мало. Потому что в ее песнях — воображение наших детей. Сама она порой большой ребенок, беззащитный и замкнутый.

С прямою спиной

Ее можно сравнивать со многими. Рыжие прямые волосы, закрытые глаза — Дженис Джоплин. Баллады — Джован Баиз. Иногда в мелодии, иногда в настроении проскальзывает нечто общее с одной из самых интересных, куда-то исчезнувших со сцены певиц — мы звали ее Умкой. Строение строк и фольклорная интонация напоминают о Башлачеве: «От большого ума — лишь тюрьма да сума. От лихой головы — лишь канавы и рвы. От красивой души — только стружья и вши. От вселенской любви — только морды в крови...»

Янка не похожа ни на кого. Ее мир — серия зарисовок, останавливающих строкой — стоп-кадром запустение, разорение, распавшуюся связь времен, понятий, причин. Мертвая зона. Она состоит из рельсов, шпал, светофоров, стен, потолков, дверных глазков, клеток, сапог. Урбанистически милита-

ризованный пейзаж. Мир населен нео-душевленностью и даже живое сближено с мертвым: «По близоруким глазам, не веря глупым слезам, ползет конвейер песка».

Субъективное видение этого мира — черно-белое с болезненными вкраплениями охры и темной крови. Если попробовать на вкус — во рту останутся кисловатое железо и та же кровь. Принимаю всю своевольность сопоставления, и все же: «Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему». В четверостишии Пастернака — вкус, запах и цвет времени. И любовь как пытка, прогулка по тюремному дворику.

Янка оплакивает. Плач не только в содержании, но в самом звучании гласных ее песен, иногда переходящем в вой, иногда в крик новорожденного (а-а-а — ы-ы-у — у-а). Почти все аллитерации приходятся на чередование «р» с «л» и шипящими согласными. «Р» — согласная смерти, «все время прослушивается ее музыка в жизни». Янка словно выполняет поэтическую просьбу В. Шахрина («Чай-Ф»): «Поплачь о нем, пока он живой». Черный квадрат. «Нелепая гармония пустого шара».

Надежды нет. Хочется травы, росы, утра, солнца. У Башлачева природа враждебна человеку. У Янки ее просто нет. Разве что: «Ветер вдаль вершушки скал опалил, а здесь ласкает газон». Осталось только воспоминание — такое же, как детские стишки и дразнилки. Мы все — как персонажи Брэдбери из «451° по Фаренгейту»: нечего потрогать, понюхать, посмотреть — остается читать и помнить. Большие головы на тоненьких ножках. «Ножки тоненькие, а жить-то хочется...»

Этой присказки у Янки нет. «Дом горит — козел не видит» — так приговаривают дети, приставляя друг другу рожки — есть. И мы козлы, приплясывающие вокруг костра, а полыхает наш собственный дом: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло». И мы заслуживаем жалости. Все. В равной мере. Потому что остается лишь «тьнь бездомная» и стон, вой, не знаю что — похоже, как будто собака с парализованными задними ногами пытается дотянуть свое тело хоть до какого-нибудь порога: «Домо-о-о-о-о-й».

Ключья детских воспоминаний-образов и смерть. Ровно так же, как и в спектакле «Алиса в Зазеркалье», из-за которого разгорелся спор в Свердловске, — ночные кошмары советского ребенка, детский «Астенический синдром».

Единственное хорошее, что летит «черный спутник — он» утешит, спасет, он нам покой принесет». И кроме этого сомнительного утешения, — бесстрашное достоинство, с которым в песнях Янки встречаются смерть. В нем есть что-то человеческое и неприторное, звучащее, как слова из старой вещи «Вежливого отказа: «Жить, сутулясь, зимой, а весной — а весной умирать. Но с прямою спиной».

Марина ТИМАШЕВА.